

Владимир Яковлевич, откуда такой интерес к Востоку? Я имею в виду «Дети Памира», «Расстанемся, пока хорошие» и, конечно же, «Белое солнце пустыни». Могут ли, на ваш взгляд, Восток и Запад найти общий язык или, как утверждал великий Киплинг, «вместе им не сойтись»?

- Я дебютировал на киностудии «Таджикфильм». В России у меня тогда никаких творческих перспектив не было. Дело в том, что я сделал два крамольных спектакля в Свердловском городском ТЮЗе, где был главным режиссером, и на мне поставили политический крест. Гонителем моим был не кто иной, как секретарь обкома партии Филипп Ермаш, который позже, по иронии судьбы, стал «министром кино». Так что плохи были мои дела... Но, как говорится, что Бог ни делает, все к лучшему. Мои тогдашние друзья - режиссер Юлий Карасик и сценарист Анатолий Гребнев рекомендовали меня в Госкино, когда в Таджикистане завалилась едва начатая картина. Поначалу (не пугайтесь - я тоже тогда испугался) она называлась «Ленин на Памире».

Мне врезался в память урок Михаила Ильича Ромма, которому однажды я принес свое отчаяние, - вот, дескать, срезался в свое время во ВГИКе, а теперь без кино не могу жить. Мне уже было за тридцать. Ромм принял меня у себя дома, мы проговорили почти два часа, и он сказал: первое, что вам подвернется, беритесь и делайте. Потому что если в вас есть искра божья, то получится. Вы преобразуете материал, внесете в него свою душу. Соглашайтесь, потом разберетесь в деле.

И вот я снял первую картину на Востоке. Во главе студии «Таджикфильм» тогда стоял восточный мудрец Насреддин Исламов. Он обеспечил мне не только работу, но и восточные «университеты», дал почти месячную командировку по республикам Средней Азии. Я жил в кишлаках, общался со стариками и молодежью, читал национальную классику в русском переводе. Пробылся на Памир, где проходила граница с Афганистаном. Пограничные отношения тогда были нормальные. Я наблюдал, как афганские пограничники, бедно одетые, вставали вдоль реки Пяндж с белым флагом и стояли, пока наши пограничники не выходили на переговоры. Афганцы просили лампочки для приемников, валенки, полушубки. И им все давали. Кое-что из б/у, конечно.

Афганскую приграничную территорию разделяли почти непроходимые скалы с искусственными узкими тропами. Так вот, когда афганцы шли друг к другу в гости и на тропе встречались две лошади, начинался спор - чья лошадь лучше. Та, что была породистее и моложе, шла дальше по тропе, а за вторую выплачивался выкуп и ее сбрасывали в пропасть. Другого выхода не было.

Возникла эта традиция испокон веков. Представляю, если бы два моих соотечественника, не имея подобных традиций, оказались в такой ситуации... Отойти ты - нет, отойди ты. Слово за слово, началась бы драка, и оба седока с лошадьми вместе оказались бы в пропасти. Как в детском стишке, знаете: в этой речке утром рано утонули два барана... Мудрые традиции восточных народов предусматривают множество ситуаций, остерегающих от необдуманных поступков.

- И во что вылилось ваше знакомство с Востоком?

- В «Детях Памира» - так назывался в итоге мой дебют - непростая драматургическая ситуация. Это двадцатые годы. Затравленный по классовым мотивам герой - сын сравнительно богатого человека. Этого «богача» презирали, его ребенка не принимали в школу. И в нем зрел протест. Это я придумал. В сценарии же правдоподобные дети бедных крестьян, хорошие ребята, строили новую жизнь, а им вредил сын эксплуататора, которого свергла советская власть.

Автор поэмы «Ленин на Памире» Мишакар отчаянно сопротивлялся моим переделкам. Девять месяцев я его уламывал. А «ребенок» потом создавался еще девять месяцев. Вот

там, на Памире, я прикоснулся к седой древности. В кишлаках сохранился абсолютно первозданный быт: глинобитные строения, способы приготовления пищи, молитвенные ритуалы. Мы забирались с нашим оператором очень далеко и высоко, даже в те районы, где экспедиции искали снежного человека.

новательно, так что некоторые «потомки» погибших горцев, помня об этом, сбросили наш бульдозер в пропасть. Я очень просил милицию не возбуждать дело, понимая, что это след далекой Гражданской войны.

Или случай - иду по дороге, обходя лужицы. Сзади едет грузовая маши-

нах, чтобы «Дети Памира» премию не получили. Мой дебют был вычеркнут из участия на Каннском фестивале, на Венецианском. Но Таджикистан настоял, чтобы этот фильм показали на Востоке. И картина получила приз в Джакарте. Хотя его «громил» маоистская пресса: фильм

нарием Ежова и Ибрагимбекова и вмешательства Неба, заставившего меня взяться за неведомый жанр. Наверное, зрителю России нужен был именно такой фильм, и выбор Господя пал на меня. Виталий Севастьянов, например, признался, что смотрел фильм сорок два раза. Космонавт Кубасов объясняет успех картины тем, что в ней, сколько ни смотри, невозможно найти натяжки или передержки. Наверное, дело еще и в том, что в каждом фильме для меня категорически необходимо присутствие чего-то сугубо личного. На других условиях я не снимаю. То есть в каждом фильме, по моему убеждению, должен быть и глубокий смысл, и профессионализм, но прежде всего - душа его создателя. В чем-то Сухов такой же идеалист, как мой неумный отец, сгинувший на Соловках.

Хотя моя мать была лишена такого счастья - отправиться за отцом, как жены декабристов. Но она со мной, трехлетним, на руках, сумела пробиться к нему на свидание еще до отправки на северный остров. Француженка в фильме «Звезда пленительного счастья», бегущая за повозками арестантов и падающая в грязь, навеяна трагическими рассказами моей матери.

И, конечно, на «Белом солнце пустыни» отразились не только те впечатления, которые я пережил на Востоке, но и заблуждения моего отца, который служил идеалистической идее коммунистов: по приказу товарища Троцкого железной рукой строить счастливое будущее. Сухов для меня - человек глубоко заблуждающийся. Он ограничен, но честен. Он не рубака и не служба какой-нибудь - он идет домой, демобилизован подчистую и вдруг вынужден заниматься гаремом, до которого ему нет дела, у него есть любимая женщина. Он аполитичен, и эту аполитичность я всячески оснащал и подчеркивал. Для этого и придумал Катерину Матвеевну, а письма к ней заказал Марку Захарову.

Мое отношение к Востоку не меняется даже сегодня. То, что искусственный политический союз Средней Азии и России разрушен - исторически закономерно, как это ни прискорбно.

- Ваша кавказская лента «Расстанемся, пока хорошие» снята с большой симпатией к горцам, их благородству. Как вы относитесь к одной из самых сложных современных проблем - войне в Чечне?

- Фильм основан на абхазской легенде. Когда я начинал съемки, уже вспыхнул пожар войны на этой земле. Увы, в первой чеченской войне этот конфликт уроком для нас не послужил. Но теперь, кажется, с шапкозакидательством во многом покончено.

- Известно, что возникал проект фильма «Белое солнце-2» и его поддерживал Виктор Черномырдин. Что же помешало? И каким бы вы сняли «Белое солнце-2002», ведь времена меняются...

- Говорить об этом бессмысленно. Да, эти предложения муссировали несколько лет. Действие картины должно было происходить в послевоенные пятидесятые. Один из героев - воскреснувший благодаря местному врачу-ветеру Абдулла. Но пока что это все так, проекты. Если появятся продюсеры, способные реализовать идеи, если будет создан сценарий на уровне моих требований и ожиданий зрителей... Слишком много если. Так что пока все это из области фантазий.

- Вы живете в Москве уже много лет. Каковы ваши взаимоотношения с городом? Вписались ли вы в его среду?

- Я живу в Гагаринском районе. Но о Москве мне сегодня говорить не хочется. Нет настроения. Вся моя жизнь в этом городе - это борьба, преодоление каких-то трудностей и проблем. И сейчас у меня не самая лучшая полоса в жизни. Готовы четыре сценария, все они выиграли президентские гранты. Но средств на реализацию идей пока не хватает. Вот когда эти проблемы решатся, обещаю рассказать и о своих замыслах конкретнее, и о Москве...

Татьяна ХАРЛАМОВА

Владимир МОТЫЛЬ:

Владимир Яковлевич Мотыль, кинорежиссер и сценарист, родился в 1927 году. Долгое время работал режиссером в театрах Урала и Сибири. Дебютировал как кинорежиссер в 1963 году на студии «Таджикфильм» картиной «Дети Памира» (Государственная премия Таджикской ССР). Автор популярных картин «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья», «Расстанемся, пока хорошие», «Несут меня кони...»

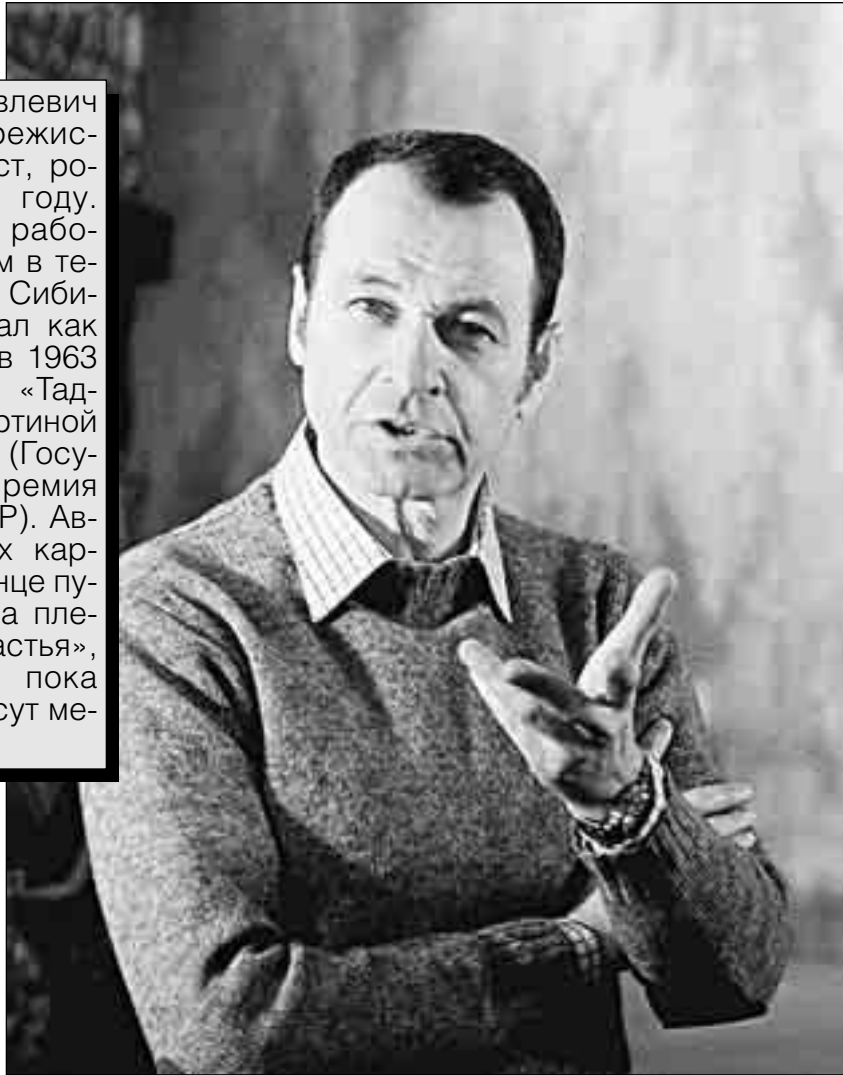

ФОТО АПН

ВОСТОК, КАК И ПРЕЖДЕ, ДЕЛО ТОНКОЕ

Владимир Мотыль по гороскопу Рак. Раки - вечные мечтатели и романтики. И он полностью соответствует этому знаку. Родом он из Белоруссии. Потом оказался на Урале, окончил исторический факультет Уральского университета. И не переставал мечтать о кино...

У фильмов Владимира Мотыля - особый стиль. Пожалуй, никому у нас не удалось достичь на экране такого гармоничного синтеза условности, жестокой реальности и высокой романтики. Никому не удалось снять такие глубокие и тонкие фильмы о Востоке, похожие на притчи и поэмы. В прошлом году актер отметил свое семидесятилетие. Готовы проекты четырех новых картин, о которых он не хочет говорить, пока не будет окончательно решен вопрос их финансирования. А «Белое солнце пустыни» не сходит с телеэкранов уже тридцать лет.

Помню изумительное зрелище - женщина невиданной красоты замерла, спускаясь с кувшином к воде, на фоне заснеженной реки Бартанг. Видимо, впервые увидела европейцев. Это было на высоте более двух тысяч метров. А некоторые эпизоды мы снимали выше четырех километров над уровнем моря! Это почти самолетная высота. Там уже закладывало уши, у слабых людей кровь из носа шла. Я открывал для себя удивительные, совсем иные человеческие взаимоотношения. Даже простое рукопожатие на Востоке - это нечто. Незнакомый человек ласково сводит ладони вокруг твоей ладони. Поразительное ощущение! Или однажды я подошел к обкому партии в Хорго и попросил дежурившего милиционера подсказать, как пройти на улицу, где живет один из героев Гражданской войны. Милиционер вдруг куда-то пошел и машет мне рукой - я думал, сейчас покажет, как идти, а он проводил до самого дома. Кстати, красные конники Буденного прочесали Памир весьма ос-

на. И вдруг она затихает. Я думал, остановилась. Оглядываюсь - ничего подобного! Оказывается, она медленно пересекает лужу, чтобы колесами не обдать меня грязью, а потом дает газу и едет с прежней скоростью.

Я был очарован Востоком, тем, как люди берегут свои корни, уважают традиции, стариков. Это не значит, конечно, что я не вижу у нас или на Западе гуманных традиций. Но все же степень морального распада в наших мегаполисах несопоставима со здоровым консерватизмом Востока.

Казалось, дебют был успешным, картину выдвинули на Ленинскую премию. В тот же год выдвигалась и повесть «Один день Ивана Денисовича». Но с подачи идеологов ЦК КПСС создали партгруппу комиссии по премиям и, оболган Солженицына, проголосовали против. «Обрушили» и «Детей Памира». Опять поставал бывший секретарь Свердловского обкома партии, который не мог забыть наших схваток на комсо-

называли оппортунистическим за призывы не к борьбе, а к примирению классов.

- Теперь понятно, откуда вы так четко знаете, что Восток - дело тонкое, и почему фильм «Белое солнце пустыни» получился таким органичным, естественным и в то же время поэтичным. В фильме ощущаются ваши симпатии не только к Сухову, Верещагину, но и к Саиду, к женам Абдуллы...

- Да, я ценю немногословность, неторопливость, какую-то самоуглубленность восточных людей. Саид ведь не сразу примыкает к Сухову, просто он отдает дань уважения мужеству иноземца, который в одиночку хочет спасти женщин. Не боится схватки с таким беспощадным врагом, как Абдулла.

- Картина не увядает уже тридцать лет. Давно известно, что у космонавтов стало традицией смотреть ее перед стартом. В чем секрет?

- Тут комплекс причин начиная со случайной моей встречи со сце-